

Александр
Черкасов

АЛЬФРЕД
БРЕМ

Аннотация

Мемуарный очерк об известном ученом-натуралисте Альфреде Бреме (1829 – 1884) затрагивает момент его приезда на Алтай в составе научной экспедиции. На то время А.А.Черкасов был управляющим Сузунского медеплавильного завода и удостоился личной встречи с Бремом. Простым, увлекательным языком автор описывает события того времени, характеризует личность ученого, передает современникам уникальные наблюдения Брема и собственные заметки о жизни на Алтае.

Черкасов Александр Александрович Альфред Брем

Воспоминания

I

В 1884 году телеграф разнес по всему образованному миру печальную весть о преждевременной кончине знаменитого натуралиста доктора А. Брема. Эта удручающая новость дошла и до нашего Барнаула, и не было ни одного образованного человека, который бы не пожалел в душе эту знаменательную личность, не погрузился бы о такой утрате ученого мира. Все до единого, как знакомые лично, так и не видавшие Брема, одинаково оплакивали такую потерю. Везде, куда только ни придешь, толковали о ранней смерти ученого. Многие говорили о его бессмертных трудах, и немало было таких, которые возлагали надежды на его будущие записки. Но с этой печальной вестью все последние упования исчезли, как дым, и всякий говорил или только думал, что судьбы Господа неисповедимы, зная здоровую натуру доктора Брема.

Альфред Брем, автор столь известного сочинения «Иллюстрированная жизнь животных»,

которое переведено на все языки цивилизованного мира, родился 2 февраля 1829 года и скончался 13 ноября 1884 года в Рейтендорфе, на 55 году жизни.

Сказав такой коротенький панегирик от всего теплого сердца, мне хочется почтить доброю памятью эту выдающуюся личность и передать в своих воспоминаниях хоть о тех днях, которые Брем провел в Барнауле; но и в такой короткий период он, познакомившись лично со многими, оставил и в этом небольшом кружке сибиряков самые теплые чувства дружбы и неподдельного братского расположения.

Весною 1876 года мы с радостью узнали, что Брем уже путешествует по южной окраине Алтая и в скором времени будет в Барнауле. Я тогда еще служил в Сузунском медеплавильном заводе и соболезновал о том, что лично не увижу такого популярного человека. Какова же была моя радость, когда меня, как управляющего заводом, потребовали по делам службы в Барнаул. Я ожил надеждой повидаться с Бремом, а с этим чувством явилось упование провести с ним несколько дней и побывать на охоте, так как о таком предположении я слышал ранее, когда еще только ожидали приезда любимого натуралиста.

Как известно, ученая экспедиция в Западную Сибирь организовалась на средства германского правительства и состояла под управлением ученого мужа О. Финша, а доктор Брем и граф

Вальдбург-Цейль были как бы его сотрудниками и членами экспедиции. Едва ли только путешествию Брема не содействовало в материальных средствах и наше правительство. По крайней мере мы слышали о такой субсидии еще раньше приезда дорогих гостей в Барнаул, а что касается особых распоряжений по всем тем управлениям, где должны побывать ученые люди, были предварительные сообщения в том смысле, чтоб местные власти оказывали чужеземным гостям всевозможное содействие, предупреждая и исполняя их желания и требования. Нечего и говорить, что барнаульская интеллигенция, без всяких настояний, хорошо понимая обязанности порядочного общества, чествовала путешественников, как только могла, по своим средствам.

Кажется, в конце мая или начале июня, хорошенько не упомню, ожидаемая экспедиция прибыла в Барнаул и поместилась в особо приготовленной квартире, хотя и невзрачной, но на главной, Иркутской улице, в самом центре когда-то знаменитого «Златогорска», так неправдоподобно окрашенного досужими пустозвонами всевозможными вымыслами, которые, к сожалению, читает эксплуатируемая публика и верит этим сказаниям, похожим на сказки из «Тысячи и одной ночи».

Во время этого посещения на Алтае был горным начальником Юлий Иванович Эйхвальд, крайне любезная и симпатичная личность, которая умела радушно принять и угостить дорогих гостей. Нечего и говорить, что г. Эйхвальд виделся с Бремом каждый день то у себя, то у него на квартире. Когда же начальник делал более дружеский, нежели официальный обед, чувствуя ученых путешественников, то и мы, собравшиеся в Барнаул управляющие со всех концов обширного Алтая, участвовали за этим столом и лично покороче познакомились с достойными представителями науки. Нельзя не заметить однако же того, что многих из нас, за исключением г. Эйхвальда, кровного немца, стесняло незнание немецкого языка настолько, чтоб можно было говорить на этом диалекте. По этому случаю нам приходилось почти только слушать нескончаемые рассказы красноречивого Брема и не раз пожалеть о том, что не можем лично делиться своими впечатлениями с гостями, а затруднять постоянно хозяина, как переводчика, было не совсем удобно. Впрочем, когда мы порядочно подвыпили, то уже не стеснялись и говорили где одними главными словами, где пантомимой лица, где руками, и хохоту не было конца.

Все три путешественника были очень простые, веселые и симпатичные люди, а в

особенности Брем. Он всех присутствующих смешил до слез, в особенности когда на столе оказывалось порядочное количество пустых бутылок со всевозможными русскими и заграничными этикетками. Все-таки надо сказать, что господа Финш и граф Вальдбург-Цейль несравненно серьезнее и как бы черствее весельчака Брема, к тому же они не обладали той развязностью и даром красноречия, что было в избытке у последнего. Вообще эти личности как-то не так располагали к себе, как Брем, которого и они слушали с видимым удовольствием и как бы гордились своим красноречивым собратом. Финш и граф как-то держали себя не так, — что вытекало из их натуры, — что с ними и на «втором взводе» приходилось быть на приличной дистанции, тогда как Брем сразу так сердечно, братски располагал к себе, что невольно представлялось, будто ты давным-давно знаком с этим милейшим человеком. Общее между ними было то, что они все трое не стеснялись выпивкой и могли перепить всех нас, взятых вместе, нисколько не выходя из границ дружеской беседы, а будучи, что называется, только «веселы». Но и тут Брем отличался от своих товарищей: он пил гораздо больше и был все-таки не слабее их.

Нельзя забыть того завтрака, 13 июня, в день святого Антония Падуанского, у аптекаря г.

Сандзер, на котором гости кушали, не стесняясь и удивлялись изобилию сибирского угощения в том смысле, что на громадном, прилично сервированном столе, кроме иноземных закусок, стояли на блюдах большие части телятины, ростбифа, ветчины, целые поросята, индейки, галантированная* нельма и прочие принадлежности сибирского жирноядения. Недоставало только пельменей, но этим туземным кушаньем угостили дорогих путешественников впоследствии, и пельмени им очень понравились, но не совсем удобно отразились на непривычных немецких желудках, так что Финш и граф оба порядочно прихворнули, только один Брем благополучно вынес и эту пробу сибирского хлебосольства.

На завтраке Брем был крайне весел, пил и ел за троих и в это же время рассказал в юмористическом духе целую историю о «пище святого Антония», что и подобало при таком удобном случае.

Однако же, несмотря на эти дружеские и почти ежедневные угощения, Брем вставал довольно рано и находил время вести свои путевые заметки прямо набело и тотчас посылать их своей супруге в Берлин для печати.

Он писал эти записки или письма всегда стенографическим способом чрезвычайно скоро, что, конечно, крайне сокращало и время, и труд.

Письма такого сорта я видел своими глазами и, конечно, не мог не удивляться талантливости и изумительной способности этой замечательной личности.

Что Брем умел читать по-русски, то и в этом мне пришлось убедиться лично. Когда мы познакомились с ним поближе, мне захотелось презентовать ему свой мизерный труд, и я, по совету г. Эйхвальда, поднес ему свою книгу в хорошем переплете. Брем дружески поблагодарил меня за подарок, крепко-крепко потряс мою руку и, взяв книгу, громко и четко, с расстановкой, прочитал по-русски заглавие — «За-пис-ки охо-тни-ка Во-сточ-ной Си-би-ри»; а когда увидел на первом пробельном листке разборчиво и четко написанную мною приличную надпись и четверо-стишие, то обратил внимание на последнее и начал было читать, но не мог, а потому обратился ко мне с вопросом: «Вас ист дас?» Я сначала прочитал ему по-русски.

Брем! Муж познаний и науки,
Когда заснуть не можешь ты -
Возьми, брат, эту книгу в руки
И сон прервет твои мечты...

Он, видимо, не понял и потряс головой, а когда я тут же передал ему немецкий перевод, сделанный мне стихами же доктором Гопфенгаузом*, то Брем расхохотался, замахнулся

на меня книгой, обнял по-братски и поцеловал три раза. Затем подали кофе, он бросил свои занятия и показал мне боевые доспехи — два превосходной работы двухствольных дробовика и такой же штуцер. К сожалению, у одного дробовика была переломлена в шейке ложа, так что Брем ужасно кипятился, ругая наши сибирские пути на перекладных экипажах. Он спросил меня, можно ли в Барнауле поправить эту поломку и когда получил отрицательный ответ, то с грустью покачал головой, посмотрел на ружье, потом запел какую-то веселую песенку и аккуратно уложил ружье в приспособленный ящик.

Впрочем, он тут же объяснил мне, что не особенно соболезнует о том, что печальный жребий выпал на то ружье, которое хуже, потому что его любимая двухстволка работы мастера Лейе, 16-го калибра, цела, и он ее бережет, как зеницу ока. Впоследствии я убедился, что Брем говорил правду, так как эта централка была великолепно — кучно, резко и далеко, вследствие чего я и просил его помочь мне приобрести такую же от того же мастера. Он с удовольствием обещал, но только тогда, когда вернется в Берлин из экспедиции, а в это время написал мне только адрес, куда и как обратиться. Когда я узнал о возвращении Брема домой, то немедленно послал по указанному адресу 200 рублей и просил г. Лейе выслать мне ружье

точно такое же, как у Брема. Дело кончилось тем, что я ждал более года, не имея никакого извещения, почему писал повторение мастеру, а потом уже жаловался Брему, но он в это время был в Австрии и уведомил, что поругал за неисправность Лейе, который обещал ему тотчас исполнить мой заказ. Но как раз в эту пору у нас в России вышли строгие меры относительно приобретений огнестрельного оружия, и я только через московское коммиссионерство да заграничное знакомство своего товарища едва-едва выходил этот заказ. Стоил он мне более 250 рублей, но полученное ружье и вполнину не равнялось против того, каким обладал Брем.

В день рождения нашего сослуживца и собрата по оружию, 14 июня, собралась большая компания у виновника торжества Владимира Александровича Карпинского. Конечно, любезный хозяин пригласил и дорогих заграничных гостей, но на семейный праздник явился только один Брем, потому что его спутники прихварывали после понравившихся им пельменей. Вечер прошел крайне оживленно и весело; Брем, по обыкновению, много рассказывал, смешил и любезничал с хорошенькими дамочками. Тут мы пригласили его на дупелиную охоту, с тем, чтоб ехать на лодке завтра утром. Брем крайне любезно принял наше предложение и пожелал тут же узнать, кто именно

из нас поедет охотиться, чтобы сейчас же ближе познакомиться с ними. Желаящих ехать нашлось более 10 человек, так что дорогой наш гость даже удивился такому числу присутствующих охотников и весело спрашивал, кто и как из нас стреляет.

Получив сдержанные ответы, он несколько прихвастнул, посмеялся над нашей стрельбой и сказал, что он, конечно, всех нас обстреляет, потому что бьет дупелей без промаха.

Уговорившись окончательно между собою, мы решили ехать на трех лодках, с тем, чтобы на одной путешествовала за нами приличная закуска с необходимой на этот раз прислугой. Окончив совещание, мы попросили Брема быть готовым к пяти часам утра и ждать лошадей, на которых он должен будет приехать к сборному пункту. Брем, поблагодарив еще раз за любезность, сказал, что он не проспит и аккуратно прибудет к назначенному месту.

II

В утро 15 июня тихо и матово выкатилось солнце из темной дали обширного Заобья. В воздухе царила тишина и только с реки потягивало приятным влажным холодком. Серые чайки плавно носились над Обью, как бы бесцельно кружились или тряслись над одним местом и бойко бросались

в воду на намеченную жертву. Приготовленные лодки давно стояли на месте у берега, ожидая отъезда, но было еще рано, а потому удалые гребцы сидели беззаботно на берегу, толкуя между собою, да покуривая коротенькие «носогрейки». Город пока спал; только заботливые дворники то подметали улицу, то гремели пустыми бочками, отправляясь за обской водой, потому что вода Барнаулки нечиста и жестка. Растрепанные стряпки выгоняли в калитки коров, то благословляя, то прогоняя увесистым прутом на поле; молочные буренушки, то, тихо помыкивая, выходили на улицу, то, задрав хвосты, опрометью выскакивали из дворов и, делая разные неграциозные «антраша», бежали в переулок... Кое-где на кухнях топились уже русские печи, и дым ровными столбиками поднимался над пробуждающимся городом. Некоторые обитые металлом кресты на церквях горели ясными звездочками от лучей тихо показывающегося солнышка. По скотским проулкам поднималась легкая пыль и слышалось мычанье коровушек, оставляющих за собой характерный запах на свежем утреннем воздухе...

Было уже около пяти часов, когда я подъехал с разными принадлежностями к сборному пункту. Хозяин дома, уважаемый старичок Козлов, вышел навстречу, совсем уже готовый к отъезду, и, приветливо поздоровавшись, радостно сказал.

— Ну и день будет богатый!

— А кто сказал вам об этом?

— Как кто сказал? Да разве вы не заметили, как плавно и без блеска выплыло солнышко, а это, батенька, у нас, стариков, первая примета. А вот как вынырнет вдруг да заблестит сразу, ну то и говори, что толку не будет.

— Савелий Максимович, все ли у нас готово?

— Мое все в исправности, лодки на месте, люди готовы, а что касается до других, то не знаю.

Показалась телега, и наш штатный официант Афанасий Панкратьевич появился со всеми принадлежностями полевой обстановки, с приличным количеством разной закуски и немалым числом разнообразных бутылок, из которых некоторые стояли в ведрах, наполненных льдом и только выказывали свои залитые особым сургучом горлышки. Поговорив с нами, он проехал на берег и стал укладываться в приготовленную для этой цели особую лодку.

— Интересно, много ли охотников соберется? А желающих было немало, — сказал я.

— А вот посмотрите, что и половины не будет.

— Ну? Не может этого быть.

— Всегда так бывает, я уж, откровенно говоря, привык, — сказал Козлов.

В это время к нам подъехали трое. Пошли

приветствия, толки, и все мы с нетерпением поглядывали вдаль по Иркутской улице, где у квартиры Брема стоял наш первый извозчик Федор Воронин.

На колокольне пробило пять часов.

Мы уселись на скамеечку у ворот и все еще поджидали других товарищей, но, увы, более не было никого, а вместо охотников, верхом и пешком, прилетели посланцы с разнокалиберными записочками. В этих цидулах мы прочитали различные мотивы вежливого отказа. Кто проспал и не подготовился, у кого заболела головушка, кого уговорила жена, а кого и «мама не пустила».

— Ну, что? Правду я вам говорил? — сказал Козлов, лукаво посмеиваясь.

Мы только пожали плечами, подтрунили над многими собратами и заметили, что к Воронину из подъезда вышла здоровенная фигура Брема, положила на длинные сибирские дроги охотничьи принадлежности и покатила в нашу сторону.

Когда подъехал к нам экипаж, мы все встали и дружески приветствовали Брема, но он окинул нас опытным взглядом и весело заметил, что еще вчера на вечере составил себе понятие о тех личностях, которые действительно собрались ехать и тех, кои давали свое согласие из одного приличия.

— А это отчасти и лучше, — заметил он шутя, — потому что большое количество охотников

не везде возможно и удобно, особенно на дупелиной охоте.

Мы покурили, немного побеседовали, затем весело отправились к лодкам.

Оказалось, что нас собралось всего шесть человек: Брем, Савелий Максимович Козлов, аптекарь Мориц Адольфович Сандзер, инженер Владимир Алексеевич Таскин, лесничий Антон Викентьевич Турчанович и я. Тут надо заметить, что г. Сандзер в сущности не охотник, а поехал с нами из желания чествовать дорогого гостя и как переводчик, а г. Таскин — приятно провести время в дружной компании и побывать в обществе Брема, этой мировой известности.

Так как погода стояла тихая, а приготовленная лодка была настолько солидных размеров, что могла свободно принять и еще, пожалуй, такое же количество охотников, то мы все очень удобно разместились по лавочкам судна, комфортабельно уселись на ковры и подушки так, что Брем был у нас в середине, как раз на первом месте от рулевого. Отсюда ему было удобно наблюдать широко видимые окрестности берегов Оби и говорить со всеми нами.

Превосходное июньское утро, радостно отражаясь на всех нас, как-то располагало говорить без умолку и замечать в окрестностях те частности, которых мы как бы не видали прежде, точно их тут

никогда не было. Все это мы заметили над собой сами, тут же посмеялись друг над другом и приписали такое состояние особому настроению души, которая в известный момент восторженнее относится ко всему тому, что прежде, при других условиях, казалось обыденной вещью. Брем восхищался грандиозностью громадного разлива воды на широкой сибирской реке и пытливо окидывал взором эту массу вод, клубящуюся до пены, вертящуюся местами воронками и все это, вместе взятое, плавно несущееся к далеким берегам холодного моря.

Надо заметить, что в это время стояла «коренная» вода, которая обыкновенно в нашем крае подходит несколько позже весеннего водополья. Бывает однако же и так, что коренной разлив застаёт весеннее повышение воды, является «водой на воду» — и тогда все окрестности громадной реки покрываются необозримым морем, так что все луговые места и их небольшие возвышенности затопляются сплошь водой. Лесные колки и острова затопляются иногда настолько, что видны только одни верхушки деревьев, а пароходы ходят прямым курсом и без всякой опасности переплывают заросшие кустарником острова и гривы. В такое время долина Оби представляет собой что-то грандиозное, с чем шутить нельзя, а путешествуя по бурным волнам, заставляет быть